

Глава XXII. Астурийская коммуна

Из всех персонажей испанской реакции самым дальновидным, без сомнения, был Хиль-Роблес. Лидер ИНКП понял, что проблемы страны заключались не в политической сфере, а в социальной, и что неотвратимая опасность глубокой пролетарской революции в любой момент могла стать реальностью. Причиной такой логики было то, что, хотя НКТ и не смогла осуществить на практике революцию, ей всё же удалось постоянно поддерживать предреволюционную атмосферу. Вся политическая стратегия Хиль-Роблеса заключалась именно в прерывании этого процесса; так он и поступил 5 октября, ставя партию социалистов перед дилеммой: согласиться на участие ИНКП в правительстве или выйти на улицы с протестом. Проницательность Хиль-Роблеса проявилась в искусном избрании момента, когда можно было инициировать в Испании революцию, не подвергая опасности привилегии руководящих классов. На чём основывался Хиль-Роблес, беря на себя риск провокатора восстаний, ситуации которых, всегда непредвиденные, могли быстро выйти из-под контроля? На сложности и многогранности испанской реальности, которая сама создала себе воображаемых противников, придавая социальным проблемам политический характер. Превращая социальные проблемы в политические, те деятели, которые считались врагами Хиль-Роблеса, на деле становились его объективными союзниками.

Баски, ограничивая свою проблему вопросом о юрисдикции, отдаляли революционный процесс, поскольку нейтрализовали действия рабочих масс. Подобное явление, но более сложное, происходит и в каталонском регионе; мы видели, как действовал Женералитет Каталонии в отношении рабочего движения, то есть НКТ. Что касается Социалистической партии, то она тормозила рабочие базовые организации, препятствовала образованию подлинного союза НКТ и ВСТ и таким образом создавала необходимые условия для провала пролетариата.

Центром, откуда исходила опасность, была Астурия, так как именно в этом регионе создались основные условия для пролетарской революции: социализм более революционного характера, по сравнению с другими провинциями Испании; НКТ, не обескровленная мятежами, и союз рабочих сил, который определённо показывал, что его революционная цель в глубине своей по существу — социальная, включала и политические аспекты, в смысле замещения капиталистической и государственной системы на социалистическую, на основе прямой рабочей демократии.

Существование революционных предпосылок в Астурии заставляло Хиль-Роблеса подавить это движение, чтобы избежать распространения подобных ситуаций на всей территории страны. Тактика, использованная социалистами и каталонистами, облегчила реакционным силам их задачу подавления астурийской революции. Всё, что могли бы сказать о

положении в Барселоне, в том смысле, что НКТ не смогла взять ситуацию под контроль, останется пустой болтовнёй. Подлинными революционерами были поставлены властью Женеералитат перед лицом трёх возможных сценариев: не присоединяться к восстанию (желание самого автономного правительства); принять участие в нём, как рекомендовал манифест Регионального комитета, но это предусматривало после столкновения полиции Денкаса и рабочих Профсоюза деревообрабатывающей отрасли открыть огонь против каталонистов и потом атаковать армейские подразделения в казармах; или же после разгрома броситься в авантюрные действия против армии, которая уже держала под стратегическим контролем столицу, поддерживаемая «элитными» отрядами, прибывшими из Африки в Барселону во второй половине дня 7 октября. НКТ в действительности избрала первый, и после поражения каталонистов захватила как можно большее число оружия, стараясь предотвратить расправу над рабочими, к чему стремился Хиль-Роблес в Каталонии.

Революция серьёзного характера, начавшаяся в Астурии 5 октября, должна рассматриваться как генеральная репетиция потенциальной революции в Испании, в рамках революционного альянса рабочих сил. Несмотря на военное поражение астурийских рабочих, их акция явилась великой победой пролетариата, значительно повлиявшей на рабочее движение в Испании.

Результаты социалистического движения в стране вскоре ограничились несколькими очагами борьбы, а цели не были достигнуты ни в одной из местностей. В Бильбао Баскская националистическая партия (Partido Nacionalista Vasco-PNV) проповедовала неучастие. Её профсоюзная организация — «Солидарность баскских трудящихся» (СБТ) (Solidaridad de Trabajadores Vascos-STV) — посоветовала рабочим выйти на места производства, но в случае сложностей или опасности оставаться дома. Она также настаивала, чтобы никто не принимал участие в деятельности, организованной вне рамок СБТ. В Бильбао прошла более или менее всеобщая забастовка, однако пассивная. В близлежащих посёлках — Португалете, Эрнани, Эйбаре, и др. — были созданы революционные комитеты и наблюдались вооружённые столкновения.

В Мадриде стачка носила общий характер: закрылись торговые пункты, не вышли газеты, был парализован транспорт. 5 и 6 октября столица пережила напряжённые моменты. Прошли вооружённые столкновения между рабочими и полицейскими в пролетарских кварталах: Куатро Каминос, Тетуан, Аточа, Делисиас и др. Кроме того, группы рабочих предприняли попытки взять штурмом Центральное почтовое отделение и Генеральное управление безопасности, что вызвало перестрелки на улицах Гран Виа, Алькалá и Пуэртадель-Соль. Но случилось то же самое, что и во всех предыдущих выступлениях социалистов: стоило начаться битве, как задерживали её руководителей.

Арестовав Главный штаб восстания, оно оказалось без необходимого руководства. Таким образом, революционное движение могло считаться потерпевшим поражение. Тем не менее из Астурии приходили новости об упорной борьбе, и правительство начало принимать меры для нейтрализации астурийских революционеров. В 21 час министр внутренних дел Элой Вакеро выступил по радио с избитым заявлением, к которому прибегают правительства в подобных ситуациях: «Спокойствие царит на всей территории страны». Но это не помешало правительству срочно собраться в полном составе для анализа обстановки. Первой мерой

было установление цензуры прессы, и глава Совета министров заявил журналистам: «Налицо революционное движение в Астурии, что вынуждает правительство объявить в этом регионе военное положение».

6 октября правительство Лерруса вводило военное положение по всей Испании и отдавало приказы генералу Батету снизить накал каталонистских беспорядков в Барселоне. Для произведения наибольшего впечатления Леррус выступил по радио с заявлением, что будет беспощаден к астурийским анархистам и сепаратистам Каталонии.

Военный министр правительства Лерруса Диего Идальго поручил генералу Франко подготовить план атаки на Астурию. В два часа на рассвете 7 октября, после переговоров с генералом Батетом, который заявил, что к шести утра каталонский мятеж будет подавлен, военный министр пошёл спать, оставляя на генерале Франко и подполковнике Ягуе задачу наиболее оптимальной ликвидации астурийского очага. 7 октября на протяжении всего дня Лерруса посетили многочисленные персоны с предложением своей безусловной поддержки в те сложные времена. Среди лиц, предложивших сотрудничество главе правительства, находился Хосе Антонио Примо де Ривера, к которому Леррус испытывал «очень глубокую симпатию». Вечером того же дня правительственный кабинет вновь собрался на заседание, и военный министр по окончании собрания заявил, «что в Астурии совместные усилия сухопутных и морских войск близки к достижению своей цели». Со своей стороны, министр внутренних дел заверил, что «через несколько часов астурийские мятежники будут полностью покорены».

9 октября во второй половине дня при отсутствии депутатов левых прошло заседание Кортесов. Правительство приняло поздравления за свои быстрые действия. В кулуарах говорили, что в тот же день в Барселоне арестовали Мануэля Асанью и поместили на пароход в порту каталонской столицы.

Революционное движение, организованное партией социалистов, с самого начала, без руководителей, было обречено на поражение. Но явление, потерпевшее крах в других провинциях Испании, в Астурии с первых его моментов приняло размеры настоящей, глубокой пролетарской революции.

Выступление в Астурии началось в три часа утра 5 октября; применяя динамит, рабочие атаковали все казармы Гражданской гвардии шахтёрского региона. К полудню этого дня рабочие заняли 23 казармы гвардейцев вместе с боеприпасами. Казарма Миерес сдалась со всеми 45 гвардейцами, а 6 октября капитулировали казармы в местностях Ребольеда, Сантульяно и Сама.

В Овьедо рабочие не смогли установить контроль над столицей, но велись бои с Гражданской гвардией и армией. Команданте объявил военное положение и приступил к высылке подкреплений в те зоны, где революционеры оказывали наибольшее сопротивление или полностью контролировали ситуацию. Так, были посланы гвардейцы-штурмовики в местность Мансанеда, занятую революционерами, но они не смогли достичь своей цели: им помешала колонна рабочих, засевшая в Арматилья, Пико-де-Кастильо и на другой стороне долины — в Сантанес.

Тем временем быстро организованные рабочие колонны продвигались к Овьедо, намереваясь взять приступом столицу. В Хихоне сражения проходили на улицах, и рабочие полностью установили контроль в квартале Симадевиля и баррикады на въездах к городу.

В городе Авилёс революционеры ввели полный контроль, заняли газовую фабрику и электростанцию.

В Ла-Фельгера, где на ружейной фактории работали 3 тыс. металлургов, большинство из них — члены НКТ, восставшие призвали Гражданскую гвардию сложить оружие, но, поскольку та отказалась, осадили казарму; около полуночи казарма перешла в руки шахтёров. Жители Ла-Фельгера, контролируя территорию, опубликовали манифест, подписанный Революционным комитетом и озаглавленный большими буквами: НКТ — ФАИ: «Социальная революция победила в Ла-Фельгера; наш долг — организовать распределение и потребление должным образом. Мы призываем всех к благоразумию и здравому смыслу. Создан Комитет для распределения, к нему должен обратиться каждый гражданин, ответственный за удовлетворение нужд семьи...»⁴⁴⁴.

В долине Турон была провозглашена социалистическая республика, которая принимала антиавторитарный характер в местностях анархистского влияния и склонялась к бюрократизации в местах, где преобладали марксисты. В этом смысле астурийская революция пустила корни сосуществования двух систем. Было бы очень важным провести глубокое исследование отношений, установившихся в течение пятнадцати дней существования этой социалистической республики как беспрецедентного опыта революционной совместной практики.

5 октября правительство из Мадрида отдало приказ генералу Бошу, военачальнику Леона, отбыть со своими войсками в Астурию. Так как в связи со взрывом моста в Лос-Фиеррос войска не могли быть посланы по железной дороге, солдаты двинулись в путь на грузовиках. Но когда эти пехотные подразделения прибыли в пункт Вега-дель-Рей, их остановило рабочее сопротивление; окопавшись в траншеях, революционеры создали стабильный фронт сопротивления, которому удалось продержаться две недели. Та же судьба постигла генерала Лопеса Очоа: тот отбыл в Астуриас из Галиции и был задержан рабочими на перевале Пеньяфлор.

8 октября рабочие колонны, подступавшие к Овьедо, начали атаку; одна из них после разгрома роты Штурмовой гвардии около Каньодель-Áгила вошла в город в рабочем квартале Сан-Лáсаро. После того как заняли холм монастыря Конвенто-де-лас-Адоратрисес, громкие приветствия женщин из рабочих кварталов ободрили бойцов. В другой точке в город вошли шахтёры, прокладывая себе дорогу динамитными взрывами на улицах Фьерро, Санто-Доминго и Гильермо Эстрада; в два часа с половиной пополудни, они заняли здание Муниципалитета.

На улицах Леопольдо Алас и Арсобиспо Гисасола карабинеры вознамерились перерезать путь шахтёрской колонны, руководимой сержантом Диего Вáскесом, но их остановили динамитные взрывы и крики «Да здравствует социальная революция!» В три часа пополудни эта колонна установила контроль в квартале и заняла здание больницы. Совместные

действия всех этих шахтёрских сил, атакующих Овьедо, заставили отступить защитников города; они укрылись в казарме Пелайо и кафедральном соборе. Шахтёры захватили оружейную фабрику и с ней — значительное число оружия: 25 тыс. винтовок, 300 автоматов и многочисленные пулемёты.

Пока в Астурии шли сражения, революционеры приступили к немедленной организации повседневной деятельности в её различных формах, другими словами — в рамках социализма, по желаниям населения: отменялась частная собственность, и провозглашалась коллективная форма владения.

Металлургические центры производства перешли в руки рабочих — например, оружейная фабрика в Трубия, фабрики в Ла-Фильгера и другие. Там началась напряжённая работа по производству боеприпасов: за один день на фабрике Ла-Фельгера произвели 30 тыс. патронов. Однако скоро недостаточное производство стало очевидным — нужно было снабдить тысячи бойцов, готовых отдать свою жизнь за Астурийскую коммуну.

В Овьедо принялся за работу Революционный комитет провинции, который поддерживал связь с рядом революционных комитетов в населённых пунктах. Но при организации этого Комитета уже обнаружилось первое противоречие между социалистами и анархистами. Альянс, подписанный ВСТ и НКТ, определял, как и следовало, что обе организации исполняли руководящие функции в восстании. Социалистическая федерация Астурии, злоупотребляя ситуацией, образовала Провинциальный комитет на основе только её членов и затем включила в её состав коммунистическую партию, которая даже не подписала революционный пакт, а также не имела должного представительства в регионе. Опасение анархистов Ла-Фельгера в отношении революционной искренности, подтверждалось. Накануне восстания в Хихоне прошёл конфедеральный пленум. На нём выявились разногласия между Хихоном и Ла-Фельгера. Первые — горячие приверженцы Рабочего альянса — твёрдо верили в революционную искренность социалистов; вторые сомневались в этом и высказались против любого союза или предварительного компромисса. Они придерживались той точки зрения, что единство строилось на основе практических революционных фактов.

После установления в Овьедо Провинциального комитета революционный комитет Хихона, зная, что тот является так называемой ахиллесовой пятой Астурийской коммуны, постоянно посылает представителей в Овьедо, чтобы наладить контакты с Провинциальным комитетом и договориться об оружии и боеприпасах, «но безрезультатно», согласно Пейратсу445.

В посёлках революционные комитеты организуются двумя различными способами: в местностях, где сильно распространены анархистские идеи, они выбираются на всеобщих собраниях; там, где наблюдается влияние социалистов, всем распоряжаются партийные комитеты. Воззвания и прокламации также носят разнородный характер, анархисты призывают население к солидарности и добровольному согласию для успеха революции; социалисты «приказывают и распоряжаются», угрожая применением драконовских мер к неподчиняющимся инструкциям Комитета.

Однако, несмотря на эти разногласия, революционная волна, движимая коллективным энтузиазмом, захватывает весь регион. Для дискуссий нет времени — их считают бесполезными перед лицом явных и намечающихся угроз на этой революционной земле.

В Мадриде новости, поступающие в адрес Министерства обороны, были неутешительными: генерал Бош не может продвинуться ни на шаг, а генерал Лопес Очоа также парализован в своих действиях. По крайней мере, думают в правительстве, генерал Франко, заранее предвидя такие сложности, отдал приказ высылке в Хихон подразделений Иностранного легиона и Марокканского состава. Марокко — опять эта раковая опухоль, разъедающая Испанию! Как только к власти 14 апреля 1931 года пришла Республика, освободительное движение Марокко направило петицию о предоставлении автономии и независимой администрации. Однако делегация, приехавшая из Тетуана в Мадрид, не смогла убедить социал-республиканское правительство в справедливости такого требования. Так, это правительство задействовало колонизаторскую политику ещё более сурового характера, чем та, которую проводила в жизнь низвергнутая монархия... На что же в октябре могли жаловаться социалисты, если Франко посылал войска из Марокко и среди них находились арабские подразделения, которые таили справедливую обиду на испанцев? Разве испанцы не поддерживали режим колонии в Марокко? Таким образом, генерал Франко использовал для репрессий то, что оставили неисправленным республиканцы. Следовательно, не Франко нёс ответственность за закрепление репрессии силами арабских частей, а именно политика социалистов и республиканцев, углубившая колонизаторский режим.

Военные корабли «Либертад», «Хайме I» и «Мигель де Сервантес» с солдатами Африканского континента на борту взяли курс на Хихон. Первым прибыл крейсер «Либертад»; 7 октября он приступил к интенсивному обстрелу, прикрывая таким образом пехотный батальон морского флота. Жители Хихона, заняв сильные позиции в Серине, преградили путь наступлению. Но не хватало оружия и боеприпасов, а Провинциальный комитет, казалось, не был чрезмерно обеспокоен трудным положением в Хихоне. Ревком связался с Ла-Фельгера с запросом боеприпасов, оружия и бойцов. Ла-Фельгера быстро пришла на помощь. Однако интенсивный пушечный обстрел и высадка войск 10 октября (Регулярных частей Марокко, Иностранного легиона и 8-го батальона охотников Африки) после адских сражений в течение трёх дней и трёх ночей вынудили Хихон отступить. С того момента, с потерей зоны кантабрийского побережья, как и предвидели хихонцы, дни астурийской коммуны были сочтены. Генерал Лопес Очоа, остановленный революционерами в Градо, пошёл в обход через Авилés и атаковал Овьедо. Десант, состоящий из Терсио и регулярных войск, при поддержке эскадры занимает позиции со стороны Эль Мусель.

В результате падения Хихона и продвижения контрреволюционных войск 11 октября, признавая провал восстания, решением Провинциального комитета был отдан приказ ко всеобщему отступлению. Такой приказ был неодобрительно встречен бойцами. После указанной даты силы НКТ стали действовать с большей активностью. Хосе Мария Мартинес, душа Рабочего альянса в Астурии, погиб 12 октября в Сотиельо, исполняя задание Революционного комитета провинции.

Контрреволюционные подразделения, воодушевлённые оживлением сопротивления, атаковали при поддержке авиации: бомбардировки нанесли огромные жертвы. С самолётов

также сбрасывали листовки, призывавшие к отступлению:

«Мятежники Астурии, сдавайтесь! Только так вы сможете спасти свою жизнь. Безусловная капитуляция и сдача оружия в двадцать четыре часа. Вся Испания, собрав свои силы, идёт против вас с намерением подавить без жалости, справедливо наказывая всех за их преступное безумие (...). Удары, нанесённые бомбардировками и оружием войск, — это всего лишь предупреждение предстоящей неумолимой атаки, если до восхода солнца вы не прекратите мятеж и не сдадите оружие. Мы начнём штурм и уничтожим вас без пощады»⁴⁴⁶.

Несмотря на угрозы, вплоть до 18 октября астурийские революционеры продолжили сражения. В тот день Ревком провинции положил конец сопротивлению и выпустил манифест, в котором сообщает: «после того, как способность рабочих масс показала себя на практике (...), необходимо сделать перерыв в борьбе». Кроме того, провозглашает: «это отступление носит достойный характер, потому что представляет из себя остановку в пути», так как «пролетариат может потерпеть поражение, но никогда не будет побеждён». Дух этого манифеста пронизан словами Карла Либкнехта накануне его казни:

“ «Есть поражения, которые на самом деле победы, и победы, более постыдные, чем поражения».

Торжество правительства над астурийскими революционерами было самой позорной победой, потому что даже не было соблюдено единственное условие шахтёров перед капитуляцией: не допустить входа наёмных войск в Астурийский регион. А генерал Аранде после «честного слова» отдал Астурию Иностранному легиону и регулярным армейским частям как военный трофей и предоставил им полную свободу действий...

Версия #2

Зверобой создал 16 июля 2025 19:34:47

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:22:34